

Александр Грин

Бархатная портьера

Александр Грин
Бархатная портьера

«Public Domain»

1933

Грин А. С.

Бархатная портьера / А. С. Грин — «Public Domain», 1933

«Пароход „Гедда Эльстон“ пришел в Покет после заката солнца. Кроме старого матроса Баррилена, никто из команды „Гедды“ не бывал в этом порту. Сама „Гедда“ попала туда первый раз, – новый пароход, делающий всего второй рейс...»

Содержание

I	5
II	8

Александр Степанович Грин

Бархатная портъера

I

Пароход «Гедда Эльстон» пришел в Покет после заката солнца.

Кроме старого матроса Баррилена, никто из команды «Гедды» не бывал в этом порту. Сама «Гедда» попала туда первый раз, – новый пароход, делающий всего второй рейс.

Вечером, после третьей склянки, часть команды направилась изучать нравы, кабаки и местных прелестниц.

Эгмонт Чаттер тоже мог бы идти, но сидел на своей койке, наблюдая, как перед общим, хотя принадлежащим боцману Готеру, небольшим зеркалом сгрудились пять голов: матросы брились, завязывали галстуки и, в подражание буфетчику, обмахивали начищенные сапоги носовыми платками.

Баррилен, сидя у конца стола, пил кофе.

Чаттер не знал, что Баррилен жестоко ненавидит его за примирение двух матросов. Эти матросы обыграли Баррилена, и он искусно стравливал их, тонко клеветца Смиуту на Бутса, а Бутсу на Смиуту. Дело вертелось на пустяках: на украденной фотографии, на соли, подсыпанной в чай, на сплетне о жене, на доносе о просверленной бочке с вином. Однако, посчитавшись взаимно, Бутс и Смит схватили ножи, а Чаттер помирил их, растрогав напоминанием о прежней их дружбе.

Человек злой и хитрый, Баррилен умел быть на хорошем счету. Он пользовался прочным, заслуженным авторитетом. В каждом порту он всегда верно указывал – тем, кто не знал этого, – лавки, трактиры, публичные дома, цены и направления.

– Чаттер! – сказал Баррилен, подсаживаясь к нему. – Разве ты не пойдешь танцевать в «Долину»? – так назывался квартал известного назначения.

Чаттер подумал и сказал:

– Нет.

– Что же так?

– Сам не знаю. Я, видишь, еще утром припас две банки персиковой настойки. Сегодня было уж очень душно, должно быть, от этого я и мрачен.

– Ты купил чашку в Сайгоне? – спросил Баррилен, помолчав.

– Купил.

– Покажи!

– Не стоит, Баррилен. Просто фарфоровая чашка с Фузи-Ямой и вишнями.

Матросы, хлопая друг друга по спине и гогоча, как гуси на ярмарке, вышли по трапу вверх, саркастически пожелав Чаттеру хорошенько перестирывать свои подштанники. Тогда Баррилен приступил к цели.

– Тебе это дело понравится, – сказал он, тщательно обдумав картину, которую собрался нарисовать простодушному человеку. – Я знаю Покет, Лисс и все порты этого берега; я бывал два раза в Покете. Я сам не пойду в «Долину», хоть веди меня туда даром. Двадцать лет одно и то же... везде. Тут есть одна порченная семья, богатые люди. Болтливому я не скажу ничего, а ты слушай. Их семь душ: четыре сестры и три их приятельницы, – хорошей масти, одна другой лучше. Денег они не берут. Напротив того: ешь и пей, что хочешь, как в нашем салоне. Но они, понимаешь, заводят знакомство только с моряками. Следующее: они сами не пьют, но любят, чтобы матрос ввалился пьяный, завязав ногами двадцать морских узлов. Без этого лучше не приходиться. Негритянка проводит тебя через раззолоченную залу к бархатной портъере из чер-

ного бархата с золотыми кистями. Тут должен ты ожидать. Она уйдет. Потом занавески эти вскроются, и там ты увидишь... у них это шикарно поставлено! Фортепьяно, арфы, песни поют; можешь также нюхать цветы. Виски, рому, вина – как морской воды! Все образованны, везде тон: «прошу вас», «будьте добры», «передайте горчицу», и что ты захочешь, все будет деликатно исполнено. Там смотри сам, как лучше устроиться. Хочешь сходить?

Истории такого рода весьма распространены среди моряков. Расскажи приведенную нами выдумку кто-нибудь другой, Чаттер ответил бы, смеясь, полдюжиной аналогичных легенд; но он безусловно верил Баррилену, и его потянуло к духам, иллюзиям, музыке. Поведав, он решился и приступил к действию.

– Пусть будет у меня внутри рыбий пузырь вместо честной морской брюшины, – вскричал Чаттер, – если я пропущу такой случай! Это где?

– Это вот где: от набережной ты пойдешь через площадь, мимо складов, и выйдешь на Приморскую улицу. У сквера стоит дом, Э 19. Стучи в дверь, как к себе домой после двух часов ночи. Будь весел и пьян!

– Пьян... Это хорошо! – заметил Чаттер. – Потому что мы непривычны... Значит, ты там был?

– Да, в прошлом году. Меня просили посылать только надежных ребят.

Зная настойчивый характер Чаттера в нетрезвом виде, Баррилен посылал его по вымышленному адресу. Этот или другой – все равно: адрес превратится в поле сражения.

Чаттер был молод – тридцать три года! Он переделался в новый костюм и выпил бутылку настойки. Но обстановка кубрика была еще трезвой. Чаттер выпил вторую бутылку. Теперь кубрик напился. Койка поползла вверх, вместо одного трапа стало четыре. По одному из них Чаттер вышел, как ему казалось, прямо на улицу, в тень огромных деревьев, заливаемых электрическим светом. Память изменяла на каждом шагу, кроме сброшенной в нее якорем цифры «19» и названия улицы. Чаттер прошел сквозь толпы и бег экипажей, сквозь свет, мрак, грохот, песни, смех, собачий лай, запах чеснока, цветов, апельсиновых корок и саданул по большой желтой двери, согласно всем правилам церемониала, внушенного Барриленом.

Едва успела отскочить от него мулатка, открывшая дверь, как появился высокий бородач внушительного сложения.

Человек с окладистой золотой бородкой стоял, загораживая путь, и Чаттер произнес деликатную речь:

– Если вы попали сюда раньше меня, – сказал он, – это еще не причина наводить на меня боковые огни прямо в глаза. Мест хватит. Я матрос – матрос «Гедды Эльстон». Я верю товарищу. Дом... – номер тот самый. «Прошу вас...», «будьте добры...», «передайте горчицу...» Куда мне идти? Семь лет брожу я от девок к девкам, из трактира в трактир, когда здесь есть музыка и человеческое лицо. Мы очень устаем, капитан. Верно, мы устаем. Баррилен сказал: «Раздвинется, говорит, бархатная портьера». Это про ваш дом. «И там, говорит, – да! – там... как любовь». То есть настоящее обращение с образованными людьми. Я говорю, – продолжал он, идя за хмуро кивающим бородачом, – что Баррилен никогда не лжет. И если вы... куда это вы хотите меня?

– Вот вход! – раздался громовой голос, и Чаттер очутился в маленькой комнате – без мебели, с цинковым полом. Дверь закрылась, сверкнув треском ключа.

«Он силен, чертова борода! – размышлял Чаттер, прислонясь к стене. – Должно быть, сломал плечо».

Настала тьма, и пошел теплый проливной дождь. «Лей, дождь! – говорил Чаттер. – Я, верно, задремал, когда шел по улице. Я не боюсь воды, нет. Однако, был ли я в 19 номере?»

Через несколько минут безжалостный поток теплой воды сделал свое дело, и Чаттер, глубоко вздохнув, угрюмо закричал:

– Стоп! Вы начинаете с того, чем надо кончать, а я не губка, чтоб стерпеть эту воду!

Дверь открылась, показав золотую бороду, подвешенную к нахмуренному лицу с черными глазами.

– Выходи! – сказал великан, таща Чаттера за руку. – Посмотри-ка в глаза! Теперь – переоденься. На стуле лежит сухая одежда, а свою ты заберешь завтра.

Дрожа от сырости, Чаттер скинул мокрое платье и белье, надев взамен чистый полотняный костюм и рубашку. Затем появился стакан водки. Он выпил, сказал «тьфу» и огляделся. Вокруг него блестел белый кафель ванного помещения.

– Теперь, – приказал мучитель Чаттеру, стоявшему с тихим и злым видом, – читай вот это место по книге.

Он схватил матроса за ноющее плечо, сунул ему толстую книгу и ткнул пальцем в начало страницы.

Попятясь к столу, Чаттер сел и прочел:

...Руки моей поэтому. Вот здесь
Цветы для вас: лаванда, рута
И левкой я вам даю,
Цветы середины лета, как всего
Приличнейшие вашим средним летам...
Приветствую я всех!
Камилл
Будь я овцой...¹

– Довольно! – сказал бородач. – Попробуй повторить!

– Я понимаю, – ответил, сдерживая ярость, Чаттер. – Вы, так сказать, осматриваете мои мозги. Не хочу!

Бородач молча встал, указывая на душевую кабину.

– Не надо! – буркнул Чаттер, морщась от боли в плече. – «Руки моей поэтому...» Ну, одним словом, как вы старик, то возьмите, что похуже – например: мяту, лаванду, а розы я подарю кому-нибудь моложе тебя. Тут Камилл говорит: «Будь я овцой, если возьму ваше дрянное сено!» Теперь пустите.

– Пожалуй! – ответил бородач, подходя к Чаттеру. – Не сердись. Завтра заберешь свое платье сухим.

– Хорошо. Кто же вы такой?

– Ты был в квартире командира крейсера. Должно быть, ты теперь знаешь его, матрос! – сказал капитан, тронутый видом гуляки. – Вот она, бархатная портьера, которую ты пошел искать! – Он дернул его за ворот рубашки. – Она раскроется, когда ты захочешь этого. А теперь марш по коридору, там тебя выпустят.

– Ладно, ладно! – буркнул Чаттер, направляясь к выходу. – У вас все – загадки, а я еще хмелен понимать их. Большая неприятность произошла. Эх!

Он махнул рукой и вышел на улицу.

¹ Из «Зимней сказки» Шекспира.

II

Коварная выходка Баррилена теперь была вполне ясна Чаттеру, но он думал об этом без возмущения. Сосредоточенное спокойствие, полное как бы отдаленного гула, охватило матроса: чувство старшего в отношении к жизни. Он шел, глубоко-глубоко задумавшись, опустив голову, как будто видел свое тайное под ногами. Поднимая голову, он удивленно замечал прохожих, несущихся, колыхаясь, лица с особым взглядом ходьбы. Наконец, Чаттер очнулся, вошел в магазин и купил жестянку чая – испытанное средство от опьянения. Но ему негде было его сварить. Продолжая идти в надежде разыскать чайную лавку, каких в этой части города не было, он попал в переулочек и увидел раскрытую, освещенную дверь нижнего этажа. Там сидела за столом бледная женщина, молодая, с робким лицом, – она шила.

Теперь Чаттер мог бы заговорить с кем угодно, по какому угодно поводу – так же просто, как заговаривают с детьми.

– Сварите мне, пожалуйста, чаю, – сказал матрос, переступив две ступени крыльца и протягивая жестянку насторожившейся женщине. – Я выпил много. С виду я трезв, но внутри пьян. Большая кружка крепкого, как яд, чая сделает меня опять трезвым. Я посижу минут десять и вывалюсь.

Простота обращения передалась женщине, и, слегка улыбнувшись, она сказала:

– Присядьте. Вы, верно, моряк?

– Да, я матрос, – ответил, опускаясь на стул, Чаттер как ей, так и вошедшему невысокому мужчине с маленьким, темным от оспы лицом. – Верно, ваш муж? Я заплачу, – продолжал Чаттер.

Вынув из кармана горсть серебра и золота, жалованье за три месяца, он бросил деньги на стол.

Три покотившиеся монеты, затрепетав, легли посреди клеенки. Мужчина, юмористически сдвинув брови, взглянул на деньги, потом на жену.

– Кэрри, – сказал он женщине, – что тут у вас?

– Ты видишь?! Зашел... принес чай и просит сварить, – тихо ответила Кэрри, нервно дыша в ожидании брани.

– Приятно! Джемс Стиггинс, – сказал муж, протягивая руку Чаттеру. – Я шорник. Кэрри все сделает. Сидите спокойно. Деньги ваши возьмите, не то, если потом растратите, будете думать на нас.

Он беспокойно оглянулся и вышел вслед за женой в кухню.

– Много не сыпь, – сказал он ей, – нам больше останется. Задержи его. Он дурак. Подлей в чай чуть-чуть рому.

Когда он ушел, Кэрри понюхала чай. Хороший чай, с чудным запахом, совсем не тот, какой покупала Гертруда, сестра Стиггинса. Кэрри не разрешалось покупать ничего. А она очень любила чай. Он веселил ее, заглушая желание есть. Теперь ей очень хотелось есть, но она не смела взять кусок пирога с луком, отложенного Гертрудой на завтра.

Подумав, Кэрри высыпала в чайник полжестянки чая.

Между тем перед задумавшимся Чаттером предстала Гертруда. Стиггинс прервал беседу, состоявшую из вопросов о плаваниях, и сделал сестре знак.

Забрав со стола деньги, Чаттер дал ему гинею, а остальное сунул в карман. Перед ним очутилась теперь рослая женщина лет сорока, с диким и быстрым взглядом. Она старалась сейчас подчинить свое жестокое лицо радушной улыбке.

– Вот зашел к нам дорогой гость, бравый моряк, – говорил Стиггинс. – Он выпьет чаю, как у себя дома, в семье, не правда ли, Труда? Он дал мне гинею, – видишь? – купить к чаю кекс и орехов. Ты сходишь. На! А сдачу храни, в следующий раз ему снова дадим чаю и кекс.

Гертруда, взяв деньги, степенно прошла на кухню.

Едва слышно напевая, Кэрри варила чай.

– Как он попал? – спросила Гертруда, показывая монету. – Говоришь – увидел тебя? Так иди же, пусть он видит тебя. Матросы, попав на берег, часто тратят все до копейки. Я заварю чай, а за покупками сходит Джемс. Он много истратился на комод, а теперь еще надо покупать коврик и занавески.

Не смея послушаться, Кэрри, не поднимая глаз на Чаттера, передала мужу взятую у Гертруды гинею.

– Ты сам...

Стиггинс вышел, а Гертруда принесла чайник.

– Сейчас, сейчас, – говорила она, расставляя посуду. – Наш гость мучается, но он будет пить чай.

Кэрри взглянула на Чаттера, потом на комод. Большой новый комод стоял у стены, как идол. Комод отнял у Кэрри много завтраков, чая, лепешек и мяса, и она ненавидела его. Кэрри хотела бы жить в тесной комнате, но чтобы быть всегда сытой. Вот этот матрос был сыт, – она ясно видела, что он силен, сыт и бодр.

Чаттер сказал:

– Я вам наделал хлопот?

– О нет, нисколько, – ответила Кэрри.

– Да, наделал! – повторил Чаттер.

Некоторое время он пил, не отрываясь, свой чай из большой глиняной кружки и, передохнув, увидел Стиггинса, пришедшего с кексом, сахаром, пакетом орехов.

– Дай же мне чаю! – сказал Стиггинс сестре. – Кэрри, нарежь кекс. Наш славный моряк начал отходить. Домашняя обстановка лучше всего.

– Кэрри, ты не объешься? – сказала Гертруда, взглядом отнимая у несчастной кусок кекса. – Ишь! Взяла лучший кусок.

Кэрри положила кекс; глаза ее закрылись, удерживая, но не удержав слез.

– Пусть она ест! – сказал Чаттер, подвигая поднос к Кэрри. – «Руки моей поэтому...» Кэрри, это стихи! «Будь я овцой! Я вам дарю цветы середины лета!»

– Интересно! – заявила Гертруда, жуя полным ртом.

Вошла сгорбленная маленькая старуха с подлым лицом и тихой улыбкой. Взгляд ее загорелся; она шмыгнула носом и села, не ожидая приглашения.

– Чаю, тетушка Риден! – предложила Гертруда. – Вот вам чашка, вот чай. Кушайте кекс!

– Я думала, чай такой жидкий, как был на вашей свадьбе, милочка Кэрри, – монотонно пробормотала старушка, оглядываясь с лукавством и хитростью. – Но нет, он крепок, он очень хорош, ваш чай. Кто же этот ваш гость? Не родственник?

– Родственник! – вдруг сказала Кэрри, у которой странно переменялось лицо. Оно стало ярким, глаза блестели. – Мой двоюродный брат. Мы пойдем с ним в сад. Там есть пиво, там танцуют и есть театр. Не правда ли?

Она смотрела прямо в глаза Чаттеру, и он так же прямо, но глухо, чуть прищурясь, посмотрел на нее. Чаттер уже выпил свой чай. Пока он, встав, искал, а затем нашел кепи, Стиггинс переглянулся с женой и больно придавил ей ногой ногу.

– Только смотри! – мрачно шепнул он.

Общее молчание заставило Гертруду громко заговорить о домашних делах. Нарочно качнувшись, Чаттер взял под руку Кэрри, которая, прикрыв плечи голубым шарфом, поспешно рванулась вперед.

На улице она горько расплакалась.

– Четыре года! – говорила Кэрри, припав к хмуро обнявшей ее руке Чаттера. – Четыре года! Но больше я не вернусь. Возьмите меня и уведите, куда хотите, чтобы я только могла заработать! Можете ли вы это? Вы можете... можете!

– Бедняга! Не реви! – сказал Чаттер. – Ведь ты мне дала чаю, Кэрри, ты будешь пить его из чашки с Фузи-Ямой! Пойдем, то есть возьмем извозчика, а завтра «Гедда Эльстон» выйдет на рейд. Одна наша горничная взяла сегодня расчет. «Будь я овцой!..»

Буфетчик нерадостно выслушал Чаттера относительно Кэрри, так как хотел взять милочку повертлявее, но Чаттер обещал ему свое жалованье за два месяца, и дело устроилось. Кэрри не вернулась за вещами, так что матросы в складчину достали ей необходимые платье и белье.

За своими вещами Чаттер съездил в дом Э 19 на другой день.

Вот все.

Еще надо сказать, как утром Чаттер доконал Баррилена, подтвердив портьеру, музыку и цветы. Он сильно озадачил его, особенно когда прочел стихи.

– Их пела одна красавица, – сказал Чаттер. – Ты слушай!

Руки моей поэтому...
Будь я овцой. Дарю я вам цветы.
Берите, когда дают, хотя вы есть старик.
Приличнейший левкой для ваших лет!
Цветы середины лета.

После этого, все с тем же, еще не оставившим его чувством старшего среди жизни, Чаттер запустил руку в свою «бархатную портьеру», почесал грудь и лег спать.